

О НЕОБХОДИМОСТИ СТРОГОГО УЧЕТА ДЕТАЛЕЙ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Переводческие ошибки с момента зарождения трансляторики необходимо сопровождают этого рода деятельность, появляясь даже в сакральных переводах, работе над которыми уделялось особое внимание. Некоторые из таких ошибок, например, пресловутый верблюд, который вместо каната проходит через игольное ушко, становятся неотъемлемыми элементами культуры.

Значит ли это, что с ошибками такого рода не нужно бороться? Безусловно, нужно. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 401) и Российской Федерации (ст. 307) предусмотрена ответственность за заведомо неправильный перевод — от денежного штрафа до лишения свободы. Однако в случае переводческих ляпсусов речь чаще всего идет не о злом умысле, а о том, что у Н.К. Грабовского было определено как «недостаточная образованность переводчика» [1, с. 514]. Одной из разновидностей такой необразованности, по мнению ученого, является невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в тексте — к тем самым деталям, в которых находит укрытие дьявол. Как представляется, это достаточно частое явление, встречающееся в переводческой деятельности, и именно на это следует обращать особое внимание студентов, обучаемых основам перевода.

Для иллюстрации этого теоретического положения позволим себе привести перевод с польского языка отрывка из автобиографической повести [3]. На первый взгляд, этот перевод выглядит достаточно прилично. В нем нет уголовно наказуемых заведомо неправильно переведенных фрагментов. Однако детальное рассмотрение развеивает это первоначальное впечатление.

Вспоминая давние социалистические времена, автор мемуаров пишет:

*...granica państwa oddzielona była od reszty terytorium tak zwaną **strefą przygraniczną**, o szerokości nawet do kilku kilometrów. Ta z kolei odcięta była od właściwej linii granicznej pasem ziemi szerokości kilkunastu metrów, który, staranne **bronowany** każdego dnia, miał pokazać w sposób naoczny, czy szczelna granica nie została pogwałcona w jedną czy drugą stronę przez **wrogie** naszemu ustrojowi przestępcze elementy...*

*Niestety, ta genialnie prosta metoda miała swoje wady, z których jedna była **obecność zwierząt** w przygranicznej strefie. Odkrywając rankiem, na przykład, ślady kopyt dzika na bronowisku, jaki odpowiedzialny za sektor mógłby stwierdzić z absolutną pewnością, że **były** to ślady dzikiej świni? Jeśli takowe **były** w okolicy to wyjaśniało częściowo sprawę, lecz jeśli to **było** na plaży? Albo w okręgu w ogóle bez świń, nawet bez tych domowych? A może ktoś podszył się pod świnię, aby bezkarnie, **tak** po świńsku, przekroczyć granicę? Tutaj nikt odpowiedzialny nie był w stanie stwierdzić jednoznacznie: *świnia czy nie świnia szwendą się po non man'sland'zie?* Taki więc, odpowiednio opisany przypadek, wędrował **drogą służbową** do odpowiedniego departamentu MSW, gdzie **po wnikliwej analizie***

odpowiednich specjalistów spraw mogła być odpowiednio skatalogowana, albo jako niewinna, albo wymagająca rozpoczęcia natychmiastowych akcji śledczych w strefie naruszenia.

Этот фрагмент переводится следующим образом (сохранена пунктуация перевода):

*...государственная граница была отделена от остальной территории так называемой приграничной зоны, полосой шириной местами до нескольких километров. Она в свою очередь была отрезана от пограничной линии полосой земли шириной в несколько метров, которая непрерывно, старательно **охранялась**. Она должна была наглядно показать, не нарушалось ли пограничное полотно, с одной либо с другой стороны, **вражескими** для нашего строя преступными элементами...*

*К сожаленью, этот гениально простой метод имел свои недостатки, одним из которых было **присутствие зверей** в приграничной зоне. Обнаружив утром, например, следы копыт кабана на охраняемой территории, кто из ответственных за сектор мог бы с абсолютной уверенностью сказать что это **были** следы дикой свиньи? Если таковые и **были** в окрестностях, то это частично проясняло ситуацию, а если это **было** на пляже. Либо если в округе вообще не **было** свиней, даже домашних? А может кто-то прикинулся свиньей, чтобы безнаказанно, **так по-свински**, пересечь границу? Здесь никто из ответственных не был в состоянии однозначно ответить: свинья или не свинья околачивалась по "поптан'sland"? Такой вот, соответствующим образом описанный случай, попал **служебной дорогой** в соответствующий отдел МВД, где после **тщательного анализа соответствующих специалистов** дело могли занести в каталог как невинное, либо требующее незамедлительного **рассмотрения** и начала следственных действий **в сфере** нарушения.*

В этом переводе на себя, во-первых, обращает внимание явная ошибка, вызванная фонетическим сходством: форма *bronowany* была переведена как *охранялась*; переводчик явно перепутал глаголы *bronować* 'бороновать' и *bronić* 'защищать' [4, с. 69]. Фонетическое сходство оказало и еще одну «медвежью услугу»: сочетание *obecność zwierząt* получило перевод *присутствие зверей*. В данном случае имело место недопустимое сужение значений: хотя слово *zwierzę* в польском языке и имеет значения '1. животное; 2. зверь' [4, с. 895], в русском языке *зверь* — это 'дикое, обычно хищное, животное' [2, с. 360]. Далее же речь идет хоть о диких, но свиньях, никак не попадающих под определение зверей.

Семантическая неточность наблюдается и при переводе прилагательного *wrogiе* как *вражеские*, в то время как здесь требовалось прилагательное *враждебные*. Действительно, словарь [4, с. 763] предоставляет возможность использования обоих вариантов, но дериват *вражеский* образован от слова *враг* в значении 'военный противник, неприятель' [2, с. 156], а страны народной демократии, о которых идет речь в мемуарах, в описываемое время не находились ни с кем в состоянии войны.

В конце рассматриваемого отрывка совершенно неправильное представление получило существительное *strefa* – *сфера*, в то время как его правильный перевод — *зона*. От двух ошибок (рассматриваемое слово встречается и в середине отрывка) переводчика спасло то, что в первом случае это слово входит в состав устойчивого словосочетания: *strefa przygraniczna* — *приграничная зона*. Однако это является иллюстрацией нарушения еще одного трансляторского правила, а именно того, что переводчик должен помнить, что и как он переводит на протяжении всего текста.

Кстати, устойчивое сочетание *drogą służbową* не стоит переводить дословно — *служебной дорогой*. Правильнее был бы перевод *по служебным каналам*.

Как представляется, в тексте перевода следует избегать необоснованной тавтологии (с тавтологией обоснованной мы встречаемся в последнем предложении), поэтому одну из четырех следующих друг за другом форм глагола *быть* следовало бы заменить на, хотя бы, *имелись*. Тем более, что в оригинале представлены только три формы.

Не следует без необходимости добавлять отсутствующие в оригинале единицы, каковой в последнем предложении является форма *рассмотрения*.

Венчает перевод отрывка классический пример грамматической омонимии — *после тщательного анализа соответствующих специалистов*, из которого непонятен субъект действия — *анализ* или *специалисты*.

Все повествование носит иронический характер, поэтому фразу *genialnie prosta metoda* можно было бы посоветовать перевести как *простой до гениальности метод*, а наречие *так* заменить разговорным вариантом *этак*.

В результате произведенных изменений может получиться следующая переводная версия:

... государственная граница была отделена от остальной территории так называемой приграничной зоной шириной местами до нескольких километров. Она, в свою очередь, была отрезана от собственно пограничной линии полосой земли шириной в полтора десятка метров, которая ежедневно старательно бороновалась и была призвана наглядно показывать, не нарушалась ли находящаяся на замке граница с одной либо с другой стороны враждебными для нашего строя преступными элементами...

К сожалению, этот простой до гениальности метод имел свои недостатки, одним из которых было присутствие животных в приграничной зоне. Обнаружив утром, например, следы копыт кабана на распаханной территории, кто из ответственных за сектор мог бы с абсолютной уверенностью сказать, что это были следы дикой свиньи? Если таковые имелись в окрестностях, это частично проясняло ситуацию, а если это было на пляже? Либо если в округе вообще не было свиней, даже домашних? А может кто-то прикинулся свиньей, чтобы безнаказанно, этак по-свински, пересечь границу? Здесь никто из ответственных не был в

состоянии однозначно ответить: свинья или не свинья околачивалась по “non tan’s land”? Так вот, соответствующим образом описанный случай попал по служебному каналу в соответствующий отдел МВД, где после тщательного исследования соответствующими специалистами дело могли занести в каталог либо как невинное, либо как незамедлительно требующее начала следственных действий в зоне нарушения границы.

Таким образом, даже самый старательный перевод отрывка при достаточной грамматической правильности может быть сведен на нет незначительными, на первый взгляд, нарушениями смысловой структуры. Поэтому при обучении студентов основам трансляторики необходимо обращать внимание не только на магистральные правила переводческой деятельности, но и на учет мелких закономерностей в области лексической и грамматической семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода. — М., 2004.
2. Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. — СПб.; М., 2008.
3. Pytlak R. W gwiazdę Franków... Opowieści z... innej ścieżki... — Warszawa, 2009.
4. Wawrzyńczyk J. i in. Wielki słownik polsko-rosyjski. — Warszawa, 2005.